

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Бредникова Ольга Евгеньевна

Интеграция трудовых мигрантов из Средней Азии в российское общество

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

(PhD)

Научный руководитель
кандидат социологических наук
Запорожец Оксана Николаевна

Москва – 2020

Постановка исследовательской проблемы

Миграции населения - популярная тема и в публичном, и в академическом пространствах на протяжении уже нескольких десятилетий. Это связано прежде всего с массовостью феномена и социальными трансформациями, порождаемыми им. Массовые перемещения людей быстро и видимо изменяют социальную картину современных обществ. При этом исследователи фиксируют значительные изменения в самом феномене миграции. Так, если ранее речь шла в основном о постколониальном передвижении (по вектору колонии-метрополии), то ныне миграции разнонаправленны, и люди передвигаются во всех направлениях по всему миру. Трудовая миграция перестает быть доминирующим миграционным сценарием, и все большее распространение получают другие виды и типы миграции, например, климатические и пр.¹ Все эти изменения, безусловно, требуют академического осмысления. Вокруг проблемы миграции уже сложился большой дебат и сформирован огромный корпус литературы, а данная сфера академического знания хорошо институционализирована. При этом академическая оптика на это явление постоянно трансформируется, а концептуальные подходы к его интерпретации изменяются и множатся.

Изменения в исследованиях миграций связаны с отказом от седентаристского подхода, в рамках которого оседлость рассматривалась как норма. Этот подход господствовал в академической литературе вплоть до 80-ых годов прошлого столетия². Так называемый мобильный поворот, связываемый прежде всего с именем Джона Урри³, изменил седентаристскую оптику. Согласно новой парадигме, всю современную жизнь организует и структурирует актуальное и потенциальное движение⁴. С мобильным поворотом связывают также концепции общества потоков Кастельса⁵, «детерриториализации» и «номады» Делеза и Гваттари⁶, текучей современности Баумана⁷ и др.

¹ Vertovec, S. Introduction: New directions in the anthropology of migration and multiculturalism // *Ethnic and racial studies* 2007. Vol.30 (6). Pp. 961-978.

² Трубина Е. Г. Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки.* 2012. № 2 (103). С. 22–34.

³ Urry J. *Mobile sociology* // *The British Journal of Sociology.* 2000. Vol. 51 (1). Pp. 185–203; Urry J. *Mobilities: new perspectives on transport and society.* Routledge, 2016. 384 pp.; Урри Дж. *Мобильности.* М.: Праксис, 2012. 576 с.; Урри Дж. *Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия.* М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 336 с.

⁴ Sheller M., Urry J. *The New Mobilities Paradigm* // *Environment and Planning A.* 2006. Vol. 38. Pp. 207–226.

⁵ Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁶ Deleuze G. and Guattari F. *Nomadology: The War Machine.* New York: Semiotext(e), 1986. 160 pp.; Deleuze Gilles, Guattari Felix. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia.* Vol. 2 / Transl. and Foreword by Brian Massumi. London and New York: Continuum, 2004. 585 pp.

Транснационализм – популярный концептуальный тренд в миграционных исследованиях, который предлагает рассматривать миграцию как двусторонний феномен, влияющий на развитие и отправляющего, и принимающего обществ и в то же время связывающий их. В рамках этого подхода мигрант рассматривается как индивид, живущий в двух и более обществах одновременно.⁸ Несмотря на общую популярность концепции, в российском академическом дебате он практически не развит (исключая работы С. Абашина⁹).

Массовое перемещение людей ставит по-новому вопросы социального и культурного разнообразия обществ. Концепция мультикультурализма, популярная в миграционных исследованиях с середины 80-х годов прошлого столетия¹⁰, сейчас заменяется концепцией супер-разнообразия (superdiversity)¹¹. При этом предпринимаются попытки найти новые схемы объяснения «сосуществования разных», в частности концепция *conviviality*¹². В этой связи меняется и представление об интеграционных процессах, которые ныне не рассматриваются как обязательное и тотальное включение мигрантов в принимающее общество.

«Нормализация» миграций, признание факта супер-разнообразия обществ и развитие транснациональной оптики в академическом дебате вызвали отказ от бинарного подхода и от ассимиляционной миграционной модели. В рамках этого подхода любое перемещение человека рассматривается не как поворотный пункт биографии, но как перманентное подвижное состояние индивида, которое конституирует его повседневность и по-новому ставит вопрос об интеграции мигрантов (как, куда, в какой мере и пр.). В диссертационном исследовании предпринимаются попытки ответить на этот вопрос.

Степень разработанности проблемы

⁷ Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

⁸ Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered / ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences, 1992. Pp. 1–24.*

⁹ Абашин С.Н. *Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13; Абашин С. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.*

¹⁰ См., например: Kimlicka W. *Introduction: An Emerging Consensus ?, Special Issue: Nationalism, Multiculturalism and Liberal Democracy // Ethnic Theory and Moral Practice, 1998, 1(2). Pp.143-157.*

¹¹ См., например: Artekar S. *Super-diversity as a methodological lens: re-centring power and inequality // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42 (1). Pp. 53–70.*

¹² Padilla B., Azevedo J., Olmos-Alcaraz A. *Superdiversity and conviviality: exploring frameworks for doing ethnography in Southern European intercultural cities // Ethnic and Racial Studies. 2015. Vol. 38 (4). Pp. 621–635.*

Диссертационное исследование проведено на стыке двух крупных тематических областей и концептуальных подходов в миграционных исследованиях – концепции транснационализма (1) и концепции интеграции (2).

1) Основная концептуальная рамка исследования – **транснационализм**. Впервые концепция транснационализма прозвучала в публикации команды авторов под руководством Нины Глик-Шиллер в начале 1990-х гг.¹³ Исследователи выступили с критикой классических миграционных исследований, согласно которым миграционные сообщества обязательно должны были быть где-то локализованы и обладать локальной культурой. Чтобы стать частью принимающего сообщества, мигрантам следовало приспособливаться или ассимилироваться в местную культуру. Авторы ввели новые базовые понятия — «трансмигранты» (transmigrants) и «транснационализм» (transnationalism). В рамках новой парадигмы транснационализм определяется как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы. Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические связи, пересекающие границы¹⁴. В принимающем обществе мигранты более не интерпретируются в качестве временных жителей, потому что в ситуации миграции выступают в качестве активных субъектов и инкорпорируются в экономику, а также перенимают новые паттерны повседневной жизни. Однако в то же самое время они поддерживают социальные связи и управляют транзакциями на повседневном уровне, а также включены в экономические, политические, культурные институты отправляющих сообществ и национальных государств.

В настоящее время концепция транснационализма представляет собой скорее набор или корпус концепций и теорий. В диссертационном исследовании выделяются два базовых положения транснационализма, актуальных для данной работы, – формирование единого транснационального пространства и транснационального сообщества:

2) Второй крупной теоретической рамкой выступает **концепция интеграции** мигрантов, которую, как и концепцию транснационализма, можно рассматривать в качестве целого корпуса подходов и исследовательских перспектив. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных этой тематике, концепция интеграции мигрантов

¹³ Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration.

¹⁴ Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство: сб.ст. / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133–146.

представляется менее разработанной. Это связано прежде всего с тем, что понятие интеграции одновременно существует в двух дискурсах – политическом и академическом. Зачастую, имеет место некритичное заимствование и кочевание понятия из одного дискурса в другой. Понятие интеграции, как правило, напрямую связано с политикой принимающего общества. В этой связи в различных обществах существует различное, даже противоположное понимание того, что такое интеграция и как она должна происходить¹⁵.

Показателем взаимозаимствования политического и академического дискурсов является определение понятия интеграции в научных статьях через ссылку на политические документы. Об этом заимствовании пишет В. Малахов в своем обзоре понятия «интеграции мигрантов» в западной академической литературе, определяя интеграцию как «практическую категорию»¹⁶. При этом исследователи признают тот факт, что общественно-политические дискурсы склонны к нормативности и доминированию, что в значительной мере расходится с представлениями и желаниями самих мигрантов¹⁷.

В настоящее время понимание интеграции мигрантов значительно изменяется. Исследователи обсуждают миграцию с точки зрения эмансипации, больших возможностей и трансформации субъектности, подчеркивая способность мигрантов к действию и самостоятельному принятию решений¹⁸. Действительно, если в прошлом ученые часто подчеркивали важность приобретения различных культурных и социальных компетенций для интеграции как становления в качестве «части» принимающего общества, ныне интеграция все чаще определяется в связи с опытом общей автономизации¹⁹.

В отечественном миграционном дебате исследование интеграции крайне популярно в литературе о миграциях начиная с середины 2000-х гг. При этом исследователи, как правило, оперируют рабочими определениями понятия, релевантными

¹⁵ Ager, A., Strang, A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // *Journal of Refugee Studies*. 2008. Vol. 21 (2). Pp. 166–191; Loch, D. Integration as a Sociological Concept and National Model for Immigrants: Scope and Limits // *Identities* 2014. Vol. 21 (6). Pp/ 623–632; Sotkasiira T. Integration, Finnish Somalis and Their Right to Everyday Life // *The Contexts of Diaspora Citizenship: Somali Communities in Finland and the United States* / ed. by Päivi Armila, Marko Kananen, and Yasemin Kontkanen. Berlin: Springer. 2018. Pp. 111–127.

¹⁶ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. С. 38.

¹⁷ Grzymala-Kazłowska A., Phillimore J. Introduction: Rethinking Integration. New Perspectives on Adaptation and Settlement in the Era of Super-Diversity // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44 (2). Pp. 179–196.

¹⁸ См., например: Slany K., Kontos M., Liapy M. (eds.) *Women in New Migrations: Current Debates in European Societies*. Cracow: Jagiellonian University Press, 2010. 330 pp.; Anthias 2012); Anthias F. Transnational Mobilities, Migration Research and Intersectionality. Towards a Translocational Frame // *Nordic Journal of Migration Research*. 2012. Vol. 2(2). Pp. 102–110.

¹⁹ Sotkasiira T. Integration, Finnish Somalis and Their Right to Everyday Life.

для конкретных эмпирических исследований, и не пытаются генерализировать и концептуализировать подход. Исключение, пожалуй, составляют работы В. Малахова²⁰, В. Мукомеля²¹ и Е. Варшавера и А. Рочевой²², в которых интеграция понимается как комплексный феномен. Так, В. Малахов предлагает понимать интеграцию как двучастный феномен, объединяющий структурную (в существующие социальные институты принимающего общества) и культурную интеграции²³. Исследователи Е. Варшавер и А. Рочева рассматривают интеграцию как трехчастный феномен, в котором интеграция анализируется на уровне отношений между людьми, смыслов и институтов²⁴.

В данной работе интеграция рассматривается в других масштабах, скорее, как феномен повседневной жизни, в рамках которой мигранты обучаются жить в транснациональных контекстах и выстраивать рутинные взаимодействия как процесс «ежедневных переговоров» со множеством агентов интеграции. При этом процессы интеграции развиваются по множественным траекториям в соответствии со специфическими жизненными ситуациями²⁵.

Формулировка основного исследовательского вопроса:

Как происходит интеграция трудовых мигрантов из Средней Азии в российское общество в повседневной жизни в условиях транснационализма?

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – проанализировать процессы интеграции трудовых мигрантов в российское общество в условиях транснационализма (на примере феномена трудовой миграции из стран Средней Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) в российские города (случай Санкт-Петербурга).

Цель исследования реализуется в следующих **задачах**:

- 1) адаптировать и расширить концепцию транснационализма применительно к анализу повседневной жизни мигранта;

²⁰ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики.

²¹ Мукомель В. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 20 (1). С. 34–50.

²² Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14 (3). С. 315–330.

²³ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики.

²⁴ Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство.

²⁵ Erdal M., Oeppen C. Migrant Balancing Acts: Understanding the Interactions Between Integration and Transnationalism // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. Vol. 39 (6). Pp. 867–884.

- 2) выявить основные миграционные сценарии мигрантов и связь этих сценариев с процессами интеграции в принимающее общество;
- 3) реконструировать основные показатели интеграции через призму анализа биографической траектории мигранта;
- 4) проанализировать зависимость интеграционных стратегий от характера и интенсивности связей мигрантов с отправляющим сообществом и диаспорой;
- 5) рассмотреть транснационализм как методологическую основу исследования процессов интеграции.

Теоретико-методологические основания исследования

Объект и предмет исследования

Теоретическим объектом диссертационного исследования выступает мобильный субъект (нелокализованный и регулярно перемещающийся в пространстве²⁶) и трансмигрант (поддерживающий экономические, социальные, культурные и прочие связи с отправляющим и принимающим обществами²⁷).

В качестве *эмпирического* объекта исследования выступают временные трудовые мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию (случай Санкт-Петербурга) из стран Средней Азии (Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана) по безвизовому миграционному режиму с целью заработка. Следует отметить, что в данном исследовании страновые и культурные различия не принципиальны. В фокусе – повседневная жизнь мигрантов из Средней Азии и их стратегии интеграции, которые, как показало исследование, напрямую не связаны ни с гражданской, ни с этнической принадлежностью. Стаж миграции основных информантов – более трех лет; этот параметр представляется важным в связи с тем, что мигрант уже имеет опыт жизни в РФ, и этот опыт отрефлексирован. Также в фокусе исследования — члены семей мигрантов, оставшихся на родине.

Предметом диссертационного исследования выступают процессы интеграции трансмигрантов в принимающее общество. При этом трансмигранты находятся в условиях транснационализма и поддерживают множественные социальные, экономические, политические, культурные и прочие связи с отправляющим обществом.

²⁶ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154; Урри Дж. Мобильности.

²⁷ Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration.

Теоретические основания исследования

Диссертационное исследование выполнено на основании трех концептуальных областей и подходов – концепций транснационализма, концепций интеграции и сценарного подходов:

1) Транснационализм как концептуальный фрейм и как методологическая перспектива исследования

Транснационализм как теоретическая линза подразумевает весьма широкий диапазон тем и объектов исследования. Для диссертационного исследования востребуются следующие положения:

1. Отказ от линейной, дихотомичной модели интеграции. В отличие от других миграционных концепций, транснационализм рассматривает не локализованных индивидов, а “трансмигрантов”²⁸, ведущих “двойную жизнь”²⁹, которая позволяет развивать и поддерживать самые разнообразные трансграничные взаимоотношения (семейные, экономические, культурные, политические и пр.), благодаря которым конструируется “транснациональное социальное пространство”³⁰, объединяющее в себе особенности двух сообществ – отправляющего и принимающего. Согласно Левитт и Яворски «миграция не является однонаправленным процессом ассимиляции», но представляет собой процесс, «при котором мигранты в разной степени одновременно вовлечены в многочисленные сферы на разных уровнях транснациональных социальных пространств, в которых они пребывают»³¹. Подобный подход позволяет отказаться от ассимиляционной модели и пересмотреть интеграционные модели, в рамках которых от мигрантов ожидается полное встраивание в существующие социальные структуры, институты, сообщества.

2. Трансмигранты оказываются в двойной системе координат, одновременно становясь “своими” и “чужими”, “законными” и “незаконными”, “семейными” и “несемейными”, “бедными” и “богатыми” и т.д., переходя из одного регистра в другой по необходимости³², благодаря чему формируется особый “транснациональный габитус”³³,

²⁸ Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration.

²⁹ Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // Ethnic and racial studies. 1999. Vol. 22 (2). Pp. 217–237.

³⁰ Pries L. (Ed.). Migration and transnational social spaces.

³¹ Levitt P., Jaworsky B. N. Transnational migration studies: Past developments and future trends. Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33 (1). Pp. 129–156.

³² Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. С. 10.

позволяющий мигрантам переключать рамки референций и вписываться в разные общества. В этой связи интеграцию возможно рассматривать как способность правильно прочитывать разные социальные и культурные контексты и изменять рамки референций и паттерны поведения, соответствующие им.

3. Транснационализм работает не только на глобальном уровне, но и на уровне повседневности. Вместе с людьми в обе стороны мигрируют вещи, идеи, мода, паттерны поведения и пр.³⁴ Согласно исследованиям, мигранты, осуществляющие передачу вещей домой, по сути, готовят почву для собственной реинтеграции³⁵. Транснационализм специфицирует процессы интеграции, в частности интеграция становится фрагментарной – она протекает не во всех сферах жизни одновременно, но там и в той мере, где это актуально для самих мигрантов (например, мигрант при отсутствии в миграции детей не вовлекается в сферу образования или изучает русский язык в той мере, в которой ему необходимо для работы, и пр.). Более того, в рамках транснационализма интеграцию необходимо рассматривать как **процесс** (постоянное движение); как по меньшей мере **трехсторонний процесс** (интеграция в принимающее общество, сообщество мигрантов в месте миграции и реинтеграция в отправляющее) и как **процесс, который не заканчивается**.

Транснационализм в данной работе выступает не только в качестве основного концептуального фрейма, но и **методологического базиса**, основные положения которого:

- отказ от методологического национализма, под которым понимается тенденция воспринимать национальные государства и их границы как заданную исследовательскую форму, в которую упаковывается исследование, притом, что территориальные границы и границы социальных пространств в современном мире, как правило, не совпадают³⁶;

- смещение исследовательской оптики с принимающего общества в сторону пропорционально равного изучения и принимающего, и отправляющего обществ.

Отправляющее общество и его члены, напрямую не участвующие в миграции, не менее важны для понимания феномена, нежели сами мигранты или представители

³³ Kelly P., Lusia T. Migration and the Transnational Habitus: Evidence from Canada and the Philippines // *Environment and Planning A*. 2006. Vol. 38 (5). P. 831–884.

³⁴ Levitt P., Lamba-Nieves D. Social Remittances Revisited // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37 (1). Pp. 1–22.

³⁵ Cassarino J.-P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited // *International Journal on Multicultural Societies (IMS)*. 2004. Vol. 6 (2). Pp. 253–279.

³⁶ Wimmer A., Schiller N. G. Methodological nationalism and beyond: nation–state building, migration and the social sciences; Chernilo D. A social theory of the nation-state...

принимающего общества. Те, кто никогда не покидал родные места, становится частью транснациональной социальной системы и играют в ней свою определенную роль;

- семья как основная единица анализа. Миграционные стратегии чаще выстраивает не отдельный индивид, а нуклеарная или расширенная семья, что, соответственно, смещает фокус в рассмотрении транснациональных потоков с отдельных индивидов на транснациональные семьи³⁷.

2) Интеграция как разнонаправленный, фрагментарный процесс

В данной работе автор отказывается от структурно-функционалистского подхода и подхода культурного детерминизма и этницизма. Здесь интеграция рассматривается как феномен повседневности и определяется как форма социального процесса, в рамках которого люди в ситуации миграции адаптируются к изменяющимся условиям и встраиваются в различные сообщества принимающей стороны или сообщества земляков и других мигрантов. При этом интеграция – процесс постоянного взаимодействия и переговоров мигрантов и не-мигрантов, индивидов, групп и сообществ³⁸. В фокусе исследования – повседневная жизнь мигрантов и их рутинные взаимодействия с членами семьи, земляками, местными жителями и пр., а также «связки» и «разрывы» во взаимодействиях, обусловленные контекстами транснационализма.

3) Сценарный подход к анализу интеграции. Интерсекциональность

Миграции представляют собой особый биографический проект, встроенный в общую жизненную траекторию человека, имеющий свои цели и свою логику развития. В данном случае диссертанта интересует подход, в рамках которого жизненный проект представляет собой нормализованную и растиражированную траекторию.

Биографическая перспектива в исследованиях миграции ведет свою давнюю историю от ставшего классическим труда В. Томаса и Ф. Знанецкого о жизни польских мигрантов в американском обществе³⁹. Дальнейшее ее развитие в 80-х годах прошлого столетия связано с общим ростом популярности биографических исследований и, шире, исследований, выстроенных на основе качественной методологии⁴⁰. В такой перспективе миграция рассматривается в контексте всей жизни человека и связана с его прошлым и

³⁷ Bryceson D., Vuorela U. (Eds.). *The transnational family: New European frontiers and global networks*. Oxford: Berg, 2002. 288 pp.; Baldassar L., Merla L. (Eds.). *Transnational families, migration and the circulation of care: Understanding mobility and absence in family life*. NY: Routledge, 2013. 304 pp.

³⁸ Erdal M., Oeppen C. *Migrant Balancing Acts: Understanding the Interactions Between Integration and Transnationalism*.

³⁹ Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. Primary-group organization. N.Y.: Richard G. Badger; Gorham Press, 1927. 1150 pp.

⁴⁰ Например: Breckner R. *Collective Identities in Migration. Biographical Perspectives on Ambivalences and Paradoxes* // *Sociology and Anthropology*. 2014. Vol. 2 (1). Pp. 15–24; Рождественская Е.Ю. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 386 с.

предполагаемым будущим как процесс, смысл которого соотносится с определенным жизненным этапом и меняется с течением времени⁴¹ Исследования биографий мигрантов позволяют прояснить широкий спектр актуальных вопросов: как мобильность встраивается и интерпретируется в биографии, как конституируются идентичности мигранта (что особенно важно для понимания идентичностей трансмигрантов) и как идентичности связаны с выбором миграционных сценариев и интеграционных стратегий.

Сценарный подход представляется эвристичным инструментом описания и анализа жизненных траекторий. Изначально популярный в гендерных исследованиях⁴² он перекочевал в труды, посвященные миграциям, примером чего является работа израильских социологов о переселенцах из России и их интеграционных сценариях⁴³. В данной работе под сценариями понимается определенная схема последовательных шагов⁴⁴ – идеальная модель, описывающая жизненные стратегии и повседневные практики мигрантов. Это своего рода нормализованная и растиражированная биография, которую люди воспроизводят в ситуации миграции. Возможно даже рассматривать сценарий как метафору – как известный актерам текст и порядок действий, исполняемый с некоторой долей импровизации. Сценарный подход в данном диссертационном исследовании позволяет выявить репертуар возможных миграционных сценариев для трудовых мигрантов из Средней Азии и проанализировать соответствующие им интеграционные стратегии.

Интерсекциональный подход⁴⁵ позволяет выявить констелляцию актуальных социальных характеристик мигранта и их биографические ситуации, вызывающие неравенства и влияющие на процессы интеграции.

Обоснование методов сбора и анализа данных

В рамках диссертационного исследования транснационализм рассматривается не только как основная концептуальная рамка, но и как методология. В этой связи объект и

⁴¹ Breckner R. Case-Oriented Comparative Approaches: The Biographical Perspective as Opportunity and Challenge in Migration Research // K. Schittenhelm (ed.). *Concepts and Methods in Migration Research*. Study Group “Cultural Capital during Migration”: Conference Reader. 2007. P. 118.

⁴² Например: Темкина А.А. Сценарии сексуальности и гендерные различия // В поисках сексуальности / Под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2002. С. 247–286.

⁴³ Например: Лернер Ю., Рапопорт Т., Ломски-Федер Э. Русскоязычные студенты в Израильском университете: как работает «этнокультурный сценарий» советских евреев в эмиграции // *Диаспоры*. 2009. № 2. С. 62–90.

⁴⁴ Lerner J., Rapoport T., Lomsky-Feder E. The Ethnic Script in Action: The Regrounding of Russian Jewish Immigrants in Israel // *Ethnos*. 2007. Vol. 35 (2). Pp. 168–195.

⁴⁵ Yuval-Davis N. Intersectionality and Feminist Politics // *European Journal of Women’s Studies*, SAGE Publications (UK and US). 2006. Vol. 13 (3). Pp. 193–209.

пространство исследования были расширены. Исследование проводилось в Санкт-Петербурге и в странах Средней Азии – основных донорах трудовой миграции (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), и в фокусе исследования оказались не только мигранты (как основные информанты), но и члены их семей, оставшихся на родине. Кроме того, методология транснационализма предполагает фокусировку на связках, их соединяющих.

В качестве исследовательской стратегии выбран метод кейс-стади. Основными кейсами стали семь мигрантов и члены их семей (три семьи из Таджикистана, две семьи из Узбекистана и две семьи из Кыргызстана). Исследование проводилось в логике лонгитюда. На протяжении пяти лет (2014–2018 гг.) рассматривались изменения жизненных траекторий информантов, что позволило отследить, с одной стороны, мобильность мигрантов во времени в связи с изменением институциональных контекстов: изменением миграционной политики (массовые депортации 2015–2016 гг.), изменением законодательства (введение патентной системы), экономическим кризисом, вызвавшим отток мигрантов, и пр., и с другой стороны, мобильность мигрантов, связанную со сменой места работы, места жительства, места миграции, изменениями миграционных стратегий. Всего по семи кейсам было собрано 53 интервью с самими трудовыми мигрантами в Санкт-Петербурге (мигранты интервьюировались каждые полгода в течение 5 лет); 46 интервью с членами их семей (женами, родителями, братьями), оставшимися на родине. Рекрутирование информантов проводилось как в России: информанты разыскивались и приглашались к участию в Санкт-Петербурге, так и в отправляющих странах: информанты рекрутировались коллегами из государств Средней Азии. Доверительные отношения были выстроены благодаря постепенному вхождению в поле и длительностью отношений с информантами.

В исследовании также использовались материалы биографических и проблемно-ориентированных интервью с трудовыми мигрантами из Средней Азии, взятые в рамках других проектов, всего более 200 интервью.

Основные методы сбора и анализа данных:

- интервью (с записью на диктофон) / регулярные беседы (с последующей записью в дневник). Гайд интервью содержал набор стабильных вопросов, повторяющихся из года в год, и дополнительные вопросы, связанные с происходящими изменениями в жизни мигранта и новыми акцентами и фокусами исследования (интеграция, отношения со временем, отношения с домом, использование мобильной телефонии, диаспоральность и

выстраивание связей с сообществами земляков и, более широко, мигрантов и прочее). Все интервью транскрибированы;

- метод наблюдения. Наблюдения проводились на работе, а также дома у информантов и у членов их семей на родине мигрантов. Результаты наблюдений фиксировались в дневнике. Всего было сделано более ста записей.

Тексты интервью и дневниковые записи анализировались по методам тематического анализа и анализа социальных категоризаций.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля и положения, выносимые на защиту:

1. В рамках диссертационного исследования интеграция трудовых мигрантов была инновационно рассмотрена из перспективы транснационализма. При этом автору удалось зафиксировать работу транснационализма на повседневном уровне, когда различные локальные контексты требуют от мигранта особых компетенций по считыванию этих контекстов и соответствующего переключения рамок референций.

2. Для объяснения моделей миграции был разработан сценарный подход. Выделены основные сценарии — сценарий иммигранта, сценарий гастарбайтера, приключенческий сценарий и сценарий восстановления социального статуса. На основе этих сценариев были проанализированы процессы интеграции и выделены критерии интеграции.

3. Впервые на российском материале проведено двустороннее / транснациональное лонгитюдное исследование трудовых мигрантов и членов их семей, что позволило: зафиксировать значительную мобильность «мобильного субъекта»; связать изменение миграционных сценариев и интеграционных стратегий с насыщенностью и плотностью связей с семьей, оставшейся дома, и, более широко, с отправляющим обществом, а также с изменением биографической ситуации мигрантов.

4. В диссертационном исследовании была апробирована и отрефлексирована транснациональная методология и выявлены особенности транснациональных нарративов, в частности очень информативными оказываются разрывы и противоречия в нарративах членов одной семьи или сообщества, множественность версий одного и того же события, мифотворчество и обманы. Через них можно реконструировать разные правила для разных сообществ, в которых живет транснациональный мигрант, когда интервьюеру представляются «правильные» нарративы, соответствующие, по его мнению,

запросам со стороны принимающего общества и не противоречащие требованиям отправляющего.

Основные результаты исследования

1) Миграционные сценарии и стратегии интеграции

Сценарный подход представляется эвристичным инструментом описания и анализа жизненных траекторий мигрантов. Под сценарием здесь понимается идеальная модель, задающая жизненные стратегии и предопределяющая повседневные практики мигрантов; это своего рода нормализованная и растиражированная биография, которую люди воспроизводят в ситуации миграции. Хотя, безусловно, действия конкретного человека, попадающего в конкретные жизненные условия, будут варьироваться, а сценарии сменять друг друга или комбинироваться. Обращение к сценарному подходу позволило выявить основные критерии миграционных сценариев; описать их репертуар (иммиграционный сценарий, сценарий гастарбайтера, приключенческий сценарий и сценарий починки социального статуса)⁴⁶; рассмотреть трансформацию и преемственность сценариев зависимости от изменения структурных условий и биографических контекстов мигранта.

Таблица 1. - Репертуар миграционных сценариев

Виды и критерии описания миграционного сценария	Знание русского языка	Социальные сети	Сфера жизненных активностей	Освоение городского пространства/ «строительство» дома
1. Иммиграционный сценарий (цель – изменить место жительства)	Русский язык активно изучается	Активно выстраиваются сети с местными жителями	Трудовая активность и досуг сбалансированы.	Городское пространство осваивается активно. Идет активное строительство дома на новом месте
2. Сценарий гастарбайтера (центральная цель – заработать для семьи, оставшейся дома)	Русский язык осваивается по необходимости, в той мере, необходимо в трудовой деятельности	В основном поддерживаются отношения с земляками	Преобладает трудовая активность.	Городское пространство осваивается лишь рядом с местом работы. «Повседневность» и быт дома фактически свернут.
3. Приключенческий	Русский язык	Преобладает	Помимо	В городе, помимо

⁴⁶ См. таблицу 1.

сценарий (доминирующая цель – получить удовольствие от приключений и найти новые впечатления)	осваивается по в рамках необходимого в трудовой деятельности	общение с земляками и с другими мигрантами	трудовой активности, мигрант занимается досуговыми активностями.	мест работы, активно осваиваются досуговые места. Быт минимизирован.
4. Сценарий «Ремонта» социального статуса (цель – восстановить социальный статус)	Язык осваивается в пределах, необходимых для трудовой деятельности	Преобладает общение с земляками	Доминирует трудовая активность. Однако помимо этого идет активное общение с земляками	Городское пространство осваивается лишь рядом с местом работы. Досуг связан с общением с земляками.

2) Связь миграционных сценариев с процессами интеграции

Транснационализм как феномен формирования единого трансграничного социального пространства и способность мигрантов жить одновременно в двух обществах (отправляющем и принимающем) влияет на интеграционный процесс. В зависимости от выбранного миграционного сценария мигрант выбирает определенные интеграционные стратегии и практики. Так, в рамках сценария гастарбайтера интеграция в принимающее общество идет лишь в той мере, в которой она необходима в трудовой деятельности. При выбранном приключенческом сценарии можно говорить о пространственной интеграции мигрантов, когда мигранты осваивают и переопределяют городские пространства, например, активно передвигаются по городу, используют городские дворы для пикников и др. Таким образом можно говорить об интеграции как о фрагментированном процессе.

Транснационализм не только удваивает рамки референций, заставляя мигрантов жить в двойной системе координат двух обществ, где «двойные нормы» разделены пространственно. На месте миграции формируется сообщество мигрантов, которое, в свою очередь, «привозит» с собой и вырабатывает новые социальные нормы, правила и паттерны и требует от члена своего сообщества их соблюдения. Мигрант оказывается, по крайней мере, в тройной системе координат. В качестве успешности повседневной интеграции мигранта можно считать его способность правильно прочитывать социальные контексты и отвечать на требования, актуализированные конкретной ситуацией взаимодействия. Примером тому может служить манипулирование хиджабом женщинами-мигрантками, которые в течение дня неоднократно надевают и снимают его в зависимости от того, где они оказываются или в какие контакты и взаимодействия

вступают. Таким образом, транснационализм воплощен в повседневности и требует правильного прочтения ситуации и соответствующих действий. Нарушения правил и последующие санкции свидетельствуют о неинтегрированности мигрантов.

3) Критерии интегрированности

Как показывает диссертационное исследование, в качестве показателей интеграции могут выступать менее очевидные, но при этом более информативные критерии, среди которых конституирование дома, социальные сети и информационное поле.

4) Гендерная, возрастная и брачная специфика миграционных сценариев и стратегий интеграции (интерсекциональный подход):

Согласно диссертационному исследованию, выбор миграционного сценария и интеграционных стратегий зависит не только от цели миграции, но и предопределяется социальными характеристиками мигранта и его биографической ситуацией. Интерсекциональный подход - анализ констелляции различных социальных характеристик, востребуемых «здесь и сейчас», актуальных для конкретной социальной ситуации. Выбор той или иной интеграционной стратегии предопределяется гендером, возрастом и семейным статусом мигранта. Другие социальные характеристики, такие как этничность, место исхода, образование, профессиональная принадлежность, стаж работы и прочее, не столь актуальны.

5) Транснационализм: жизнь в напряжении

Феномен транснационализма как практика жизни одновременно в двух и более мирах вызывает не только положительные эффекты, такие как, скажем, удвоение ресурсов и капиталов. Транснационализм вызывает определенные напряжения и конфликты, зачастую предъявляя мигранту противоречивые требования.

6) Понятие «временности» в ситуации трудовой миграции

Особенности мигрантского времени вызваны прежде всего временной позицией трудовых мигрантов. Как показывает исследование, цели миграции множатся, цепляясь одна за другую, и миграция продолжается, она становится длительной. Это своего рода «протяженная временность», краткосрочные жизненные проекты с отложенным, открытым финалом или даже без него. Подобное отношение со временем можно категоризовать как сиюминутность (термин З. Баумана)⁴⁷, которая связывается с легкостью, открытостью и с концентрацией времени в настоящем. Жизнь в режиме протяженной временности, дает мигранту подвижность и легкость, которая проявляется не только в самом движении, но и в частой смене работы, места жительства в миграции, партнеров и пр.

⁴⁷ Бауман З. Текучая современность. Питер, 2008.

Мигрантское время связано со множественным жизненным проектированием, когда человек разрабатывает целый репертуар различных жизненных сценариев. При этом делает инвестиции во все эти сценарии, рассчитывая на то, что один из них сработает и окажется наиболее релевантным жизненным целям.

Мигрантское время сиюминутно еще и потому, что в его рамках будущее «откладывается», оно локализуется за пределами миграции, появляется там, где заканчивается миграция. Внутри проекта миграции фактически нет карьеры, ее не строят, отказываясь в пользу легкости сиюминутности, предпочитая скорую выгоду в ущерб большей выгоды и бонусов, возможных в долгосрочной перспективе.

Отношение к миграции как временному, конечному проекту способствует тому, что мигрант интегрируется в принимающее общество лишь в тех масштабах и сферах, насколько это актуально «здесь и сейчас», без планов и проектов на будущее.

7) Транснациональная методология открывает новые перспективы для понимания процессов интеграции в принимающее общество. Отказ от методологического национализма позволяет понять выбора того или иного миграционного сценария; выявить плотность и насыщенность связей мигранта с семьей, оставшейся дома, и отправляющим обществом в целом; зафиксировать формы «присутствия» мигрантов дома. Исследовательский материал демонстрирует, что мигранты (в частности практикующие сценарий гастарбайтера), активно «присутствуют» дома – принимают участие в повседневном планировании и управлении домохозяйством, дистанционно участвуют в воспитании детей, живут в информационном поле отправляющего общества и пр. Расширение исследовательской оптики позволяет лучше понимать интеграционные стратегии мигранта.

Общие выводы исследования

Итак, основные выводы исследования, связанные с особенностью процессов интеграции трудовых мигрантов из Средней Азии в российское общество:

- исследование позволило зафиксировать большую подвижность мобильного субъекта. Мигранты не только перемещаются в пространстве, но быстро и кардинально меняют свою жизнь, регулярно меняя работу, местожительства, партнеров, обновляют свои сети поддержки и прочее. При этом, выбрав изначально один миграционный сценарий, в ходе миграции они могут неоднократно менять его в связи с изменениями структурных условий или биографических контекстов. Миграционные сценарии связаны с выбором интеграционных стратегий. В этой связи можно говорить о множественности интеграционных стратегий, об их изменчивости и об их фрагментарности (мигранты

могут быть хорошо интегрированы в одной сфере жизни принимающего общества и абсолютно выключены из другой);

- в процессы интеграции включены не только сами мигранты, но и представители отправляющего и принимающего обществ. В анализ процессов интеграции необходимо включать всех вовлеченных агентов. Повседневная интеграция проявляется в рутинных взаимодействиях всех агентов;

- процессы интеграции могут менять свое направление в связи со сменой сценариев. Зачастую может сложиться впечатление о так называемой дезинтеграции – процессе, противоположном интеграции. Однако это лишь свидетельство смены миграционного сценария. В этой связи интеграцию следует рассматривать не как конечный проект, но как процесс, который не может быть завершен;

- показатели интегрированности связаны не только с включением человека в институты принимающего общества и освоением языка и основных культурных паттернов. Интегрированность можно выявить посредством анализа практик конституирования «дома», связей с отправляющим обществом, мигрантского времени и проекций будущего, практик освоения городского пространства, конфигурации информационного поля, в котором живет мигрант и пр.

- транснациональная оптика и методология открывает новые перспективы для понимания феномена интеграции, в частности позволяют выявить, насколько связи с семьей и отправляющим обществом влияют на выбор интеграционных стратегий.

- полученные результаты исследования могут быть учтены при разработке государственной концепции интеграции мигрантов (в частности, диверсифицированный подход к интеграции мигрантов с учетом миграционных сценариев), а также использованы в разработке рекомендаций по социальной работе с мигрантами (в частности, рассматривать семью в качестве основной единицы социальной помощи).

Список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации:

Статьи, входящие в международные базы данных и список рекомендованных журналов НИУ ВШЭ:

1. «On labor migration to Russia: Central Asian migrants and migrant families in the matrix of Russia's bordering policies» // Political Geography. 2018. Vol. 66. Pp. 142–150 (co-auth. with Elena Nikiforova). О трудовой миграции в Россию: мигранты из Центральной

Азии и их семьи в матрице российской приграничной политики» // Политическая география. 2018. Том 66. С. 142-150 (в соавт. с Е.Никифоровой).

2. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.

3. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127–150 (в соавт. с Г.Сабириной).

Дополнительные публикации:

1. Labour Migration and the Contradictory Logic of Integration in Russia // The EU's Eastern Neighbourhood, Migration, Borders and Regional Stability / Edited by Ilkka Liikanen, James W. Scott, Tiina Sotkasiira. Routledge, 2016. Pp. 148–192 (в соавт. с О. Ткач). Трудовая миграция и противоречивая логика интеграции в России // Восточное соседство, миграция, границы и региональная стабильность Европейского союза / под ред. И. Лииканен, Дж. Скотт, Т. Соткасира. Рутледж. 2016. С. 148-192.

2. Дом дляномады? // Laboratorium. 2010. № 3. Pp. 72–95 (в соавт. с О. Ткач). URL: http://www.soclabo.org/UserFiles/Journal/2010.03/Art_pdf/06_article.pdf.

3. Reshaping Living Space – Concepts of Home Represented by Women Migrants Working in St.Petersburg // Cultural Diversity in Russian Cities: The Urban Landscape in the post-Soviet Era / Ed. by Cordula Gdanec. New York, Oxford: Berghahn Books, 2010. Pp. 70–93 (в соавт. с О. Ткач). Переопределяя пространство жизни – концепция дома в представлениях женщин-мигранток, проживающих в Санкт-Петербурге // Культурное многообразие российских городов: городской ландшафт в пост-советский период / под ред. К.Гданец. Нью-Йорк, Оксфорд: Берган-Букс. 2010. С. 70-93.

4) Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии). // Миграции и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб., 2004. С. 133–146 (в соавт. с М. Кайзером).

5) "Caucasians" in St. Petersburg: Life in tension // Anthropology & Archeology of Eurasia [Armonk]. 2002. Vol. 41 (2). Pp. 43–89 (в соавт. с О. Паченковым). «Кавказцы» в Санкт-Петербурге: жизнь в напряжении // Антропология и Археология Евразии. 2002. Т. 41 (2). С. 43-89.